

Глеб Иванович Успенский

Последнее средство

Глеб Иванович Успенский

Последнее средство

Серия «Кой про что», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665885

Аннотация

«...В рассказе «Последнее средство» Успенский исторически правдиво показывает тяжелое положение русской деревни середины 80-х годов, создавшееся как следствие «половинчатости» пресловутой реформы 1861 года. Недостаточность земельных наделов, отсутствие сенокоса, леса, пастбищ заставляли крестьян обращаться за арендой на кабальных условиях к помещикам и кулакам типа Ивана Мироныча. Правительство Александра III в земельном вопросе стремилось поддержать дворянско-помещичье землевладение. Основание в 1882 году Крестьянского банка должно было рассеять надежды крестьян на новый передел земли. Крестьянский банк не облегчил положения среднего и беднейшего крестьянства, так как для получения ссуды требовалось известное имущественное обеспечение...»

Глеб Иванович Успенский

Последнее средство

В новом, пахнувшем краской вагоне третьего класса было жарко натоплено; публики было мало, места для всех много, всем просторно и свободно; на двух лавках с полным комфортом расположился кондуктор: он пил чай, закусывал и в то же время составлял какие-то ведомости; несколько солдат в углу, сняв шинели и оставаясь в одних рубахах и фуфайках, играли в карты; какой-то доброволец из мещан занялся топкой печки и «накаливал» ее без всякого снисхождения.

– Так, так! – хвалили его. – Держи тепло-то ровней, оно что теплее, то лучше!

И доброволец, весь красный от жару, усердствовал из всех сил; поминутно он гремел чугунной заслонкой и швырял в огненную и трескучую пасть печки маленькие сосновые поленьца.

Какой-то молоденький приказчик, какой-то молодой солдат, еще какой-то купеческого образа и подобия человек и простой мужик, примостившись у двери, отворенной в то отделение, где топилась печь и откуда шло тепло, занимались чтением газеты и разговорами. Читал молодой рослый солдат в новой красной фуфайке.

Читал он «листок», начиная с первой строчки, и, по-видимому, не желал прекратить чтения, не дочитав газеты до по-

следней строки; начав передовицей о замыслах Англии против России, он без передышки после точки, заканчивавшей передовицу, и не меняя интонации, стал путаться языком в придворных известиях, потом в городских происшествиях, потом в иностранных новостях и, наконец, достиг судебной хроники. Слушатели очень внимательно следили за чтением и не столько за смыслом прочитанного, которого и действительно было не особенно много в листке, сколько за трудной работой, обнаруживавшейся в лице и губах не раз вспотевшего чтеца. Наконец он добрался и до конца судебной хроники, в которой очень кратко пересказан был один из многочисленных в последнее время земельных процессов и который по обыкновению сопровождается действием холодного оружия; чтец замолк, повертел в руках газету и сказал:

– Теперича – все! Пошли объявления... Надо горло про-
чистить, папиросочки покурить!

Чтец закурил папиросу, поразмялся. Поразмялись, поотдохнули и слушатели. Начался разговор.

– Это что же, любезный, – спросил солдата слушатель-мужичок, – что же это считается холодное оружие? И горячее, стало быть, есть какое?

– А как же! – плутливо проговорил смешливый молодой приказчик. – И горячие есть! В законе прямо сказано: «дать ему, подлецу, двадцать горячих!...» Вот это самое и есть горячее оружие...

– Нет! – снисходительно улыбаясь и поплеывая от креп-

кого табаку папироски, авторитетно сказал солдат, – розги это не могут обозначать. Оружием называется ружье, и ежели, например, прикладом, то по закону оно считается холодное; а ежели зарядить и пулей или дробью плюнуть, следовательно до крови, то оружие будет считаться горячее. Потому, что ты прикладом должен его дуть плашмя, и он должен существовать опосле того в живом виде, ну а коль скоро горячим способом, так, пожалуй, и богу душу отдашь!

– А ежели саблей цапнуть? – опять вмешался мужик. – Она ведь до крови может, а горячего в ней ничего нет?

– Ну, сабля – это не пехотное дело, там другая команда. А пехотный закон – прикладом!..

Разрешив трудный вопрос и дав молодому приказчику богатую тему для подтрунивания над мужиком, перед которым теперь открылся огромнейший выбор по части холодного и горячего, – солдат вновь было взялся за чтение, но в это время из середины вагона поднялся какой-то благообразный и сухонький старичок в опрятненьком мерлушечьем тулупчике, с опрятненькой козлиной бородкой и, подойдя к собеседникам, каким-то монашеским голосом спросил:

– Это кого тут... прикладом-то... в повиновение?

– Да тут мужичонки заартачились в одном месте... Ну, вынуждены были холодненьким пугнуть...

– И полегчало?

– Должно быть что поочувствовались.

– И все поняли?

– Говорят – «виноваты!»

– Ну, так!..

Старичок улыбнулся тонкой, хитрой улыбкой и, повернувшись, пошел к своему месту.

Старичок этот, один из излюбленных теперешних типов деревни – тип кулака с обличьем, так сказать, «религиозно-нравственным» – сидел все время в темном уголке вагона, в том месте, где скамейки прислонены не к окну, а к глухой стене; сидел он в соседстве с таким же благообразеньким соседом той же хитрой породы, с таким же постно-хитрым лицом и в таком же опрятненьком мерлушечьем тулупчике. Оба они были несомненно большие деревенские воротилы, но из тихеньких, из «примерных» и вполне безукоризненных. Сидя друг против друга, они скромненько, с молитвой и крестными знамениями ели какую-то булочку с икрой. И в то же время они неумолчно, хоть и совершенно беззвучно, вели беседу, а ведя беседу о своих делах, отлично, до последнего звука отчетливо слышали и видели все, что делается и говорится кругом. Бывают такие счастливые натуры: молча обделывают практические дела, «молча говорят», все видят, все слышат, знают всю подноготную и во всех отношениях неуязвимы.

– Ишь ты вон! – беззвучно сказал старичок, садясь опять на свое место против своего собеседника, – уж и холодным прикладом стали припугивать! Оно давно бы пора за ум-то взяться, чем позволять мутить без толку...

– Мутят, мутят, а пользы-то никакой нет!..

– То-то и есть, что пользы нет! Знаешь ведь, чай, Ивана-то Мироныча Блинникова?

– Блинникова-то? Их ведь много, Блинниковых-то.

– Ну, Ивана-то Мироныча?.. Ну, а ежели не знаешь, так я тебе скажу: человек первеющий, вышел в люди из самой грязной грязи, привезен в Петербург был десяти годов, прямо в кабак. Побоев что вытерпел на своем веку, числа этим побоям нету! И постепенно, только единственно что с бо-
жью помощью и трудами своими, наконец достиг теперича до большой чести... И от Красного креста медаль, и патенты за пчелу, и благодарность: рыбу подносил высокой особе, двух огромнеющих судаков... Попечителем числится в двадцати местах, почетным мировым судьей третье трехлетие выбирают. Четырнадцать озер арендует рыбных в разных местах... одним словом сказать – почтен и награжден за все его терпение! Так что ж они, прости господи, сказать, дьяволята, с ним сделали?

– Мужичишки-то?

– Да! мужичишки-то!.. Ведь чуть было под топор голову-то ему не подвели!.. Без всякого зазрения совести прямо так-таки его и приспособили в каторжную работу, ни за что, ни про что!

– Да как же так?

– Да вот так, что способов-то им, дьяволятам (согрешил я, грешный!), не было других, чтобы искоренить его, так и

надумали сослать его в каторгу... И чуть было не сослали! Изволишь ли видеть, какая тут вышла история. Я тебе прямо скажу, действительно, ежели так сказать по правде, по совести – что мне таить? – так точно, что мужичонки эти в большой бедности существовали. Чего уж? Надо говорить правду. Опречь этих трех деревень, как Муравлино, Чохово да Ямкино, кажется, по всей нашей округе поискать, так не найдешь, то есть насчет бедности. Коротко сказать – только по зимам и видят божий свет. Как замерзнут лядины, болота, ну, глядишь, и вылезают муравлинцы из своих трущоб, – кое с сеном, кое с дровами, само собой, крадеными... Да и видом-то совсем они к нонешнему народу не подходят: на голове треух, на ногах лапти, одежда домотканная, так какие-то лесовики, прости господи! Кабы не зима, не мороз, да не снег, так им бы и вовсе пропадать надо, и говорить-то по человечьи, поди, разучились бы совсем: кругом болото, топь, ни проходу, ни проезду... Так вот какое их было житье... Три-то деревеньки кое-как обселились на сухих местишках, ну, землишка кой-какая есть, самая малость. Рыбы иной раз в половодье с реки наносит в ихние болота, ну вот они летом и питаются, ловят налимов по ямкам. Бедность, одно слово! Как вышло освобождение, так помещик-то совсем забросил усадьбу да лет пятнадцать и глаз не показывал... Заложил, должно быть, в банк – кто его знает! Ну вот, покуда не было хозяина-то, мужичонки-то кое-как справлялись: лесок господский чистили исправно, избенки переправили, зимой на-

рубят барского леса, наташат к станции видимо-невидимо! Рубь серебром сажень березовых дров, полено – эво какое! – ни в одну печку не лезет... Да и землячка-то господская пустовала... Ну, они и землячкой не брезговали, все разодрали, распахали, покосы тоже все – и свои и господские – под одно подвели. Ну, кое-как жили, потому что хозяина не было – говорят даже, что он и из России-то ушел... Так и жили. Только годов с восемь тому назад, хватъ-похватъ, по зимнему пути въезжает в Муравлино барыня и объявляет: «Я новая хозяйка и заведу новые порядки». Подрядила мужиков на зиму лес возить, дом строить. А должно быть, были у барыни деньжонки-то. Пришла весна, пришли копачи, дорогу от усадьбы до шоссе повели, застучали топоры, живо поспел дом, скотник, все как должно. Наконец того, и агроном препожаловал. Препожаловал агроном, обошел все обворованное, всех виноватых записал, штрафы установил, везде поставил сторожей, караульщиков с ружьями, сам тоже с ружьем – бьет пульей на три тысячи шагов навывлет, – одним словом, началась совсем другая песня. Притиснул мужиков к стене, так что не повернуться – живи, где хочешь! Озлились муравлинцы, озверели... Потерпели годик кое-как, а потом и стали действовать на свой образец... Окончательно сказать, постепенно, помаленьку так подсидели господ, то есть барыню с агрономом, что не стало им житья: ни выйти, ни пройти, ни проехать: жгут, воруют, да и убить грозятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.